

особеннымъ спокойствіемъ. Никогда еще натянутость международнаго положенія не чувствовалась въ такой степени, какъ съ конца прошлаго года, послѣ окончательнаго отдѣленія Россіи отъ союза двухъ сосѣднихъ державъ. Съ тѣхъ поръ какъ австро-германскій союзъ приобрѣлъ самостоятельное значеніе, европейскій миръ не имѣть никакихъ прочныхъ гарантій, и Германія находится въ постоянной тревогѣ, которая невольно сообщается другимъ государствамъ. Въ теченіе одного года перспектива войны съ Франціею два раза выступала на первый планъ, а между Россіею и Германіею установилась система глухого взаимнаго недовѣрія. Очевидно, тѣсная дружба между Вѣной и Берлиномъ остается безъ всякаго успокоительнаго вліянія на Европу. Не трудно объяснить причины этого факта. Австро-Венгрія сама по себѣ не можетъ играть дѣятельной роли въ европейской политикѣ; она, по необходимости, должна довольствоваться скромнымъ, но не безвыгоднымъ положеніемъ вѣрнаго спутника Германіи. Поставленная между побѣдоносною нѣмецкою имперіею, съ одной стороны, и двумя непріязненно-расположенными государствами—съ другой, раздѣленная внутри на три враждебные лагерь: мадьяръ, славянъ и нѣмцевъ, Австрія не имѣетъ предъ собою другого выбора, какъ только держаться неуклонно за Германію въ дѣлахъ международныхъ. Политика Берлина не приобретаетъ особенной устойчивости и силы отъ тѣснаго сближенія съ монархіею Габсбурговъ; смыслъ этого союза для нѣмцевъ заключается только въ томъ, что свобода дѣйствій Россіи отчасти парализуется Австро-Венгріею. Но Европу мало беспокоятъ намѣренія и рѣшенія вѣнскаго кабинета; всякій понимаетъ, что Австрія не призвана самостоятельно разрѣшать великіе политическіе вопросы, стоящіе теперь на очереди. Спокойствіе Европы зависитъ отъ отношеній Германіи къ Франціи и Россіи, а вовсе не отъ большей или меньшей близости между Вѣною и Берлиномъ. Вотъ почему періодическія свиданія двухъ союзныхъ монарховъ въ Гаштейнѣ или въ Ишлѣ не могутъ имѣть того значенія, какое приписываютъ имъ офиціозные публицисты. Въ области самыхъ важныхъ европейскихъ интересовъ продолжаетъ господствовать неопредѣленность, которой нисколько не устраняетъ и не ослабляетъ австро-германская дружба.

Въ чемъ могутъ заключаться условія союза между Германіею и Австро-Венгріею? Въ какихъ случаяхъ можетъ вѣнскій кабинетъ рассчитывать на содѣйствіе и помощь Германіи? Входитъ ли, напримеръ, въ программу союза безусловная поддержка австрійскихъ плановъ на Балканскомъ полуостровѣ? Извѣстные всѣмъ факты говорятъ въ пользу отрицательнаго рѣшенія этого вопроса. Вспомнимъ, какъ отнеслись въ Берлинѣ къ болгарскому перевороту 9-го августа и къ